

18+

Таня Д. Дэвис

ПАВИЛЬОН ИЛЛЮЗИЙ

Таня Д. Дэвис

Павильон иллюзий

«Издательские решения»

Д. Дэвис Т.

Павильон иллюзий / Т. Д. Дэвис — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-967937-6

В новой книге «Павильон иллюзий» Таня Д. Дэвис продолжает тему межкультурных различий, ранее представленную в «Англо-русском романе». Трогательная история любви комсомолки Ники и американского студента Дэна, разъединённых жестокой политикой в конце 1970-х, продолжится в удивительном переплетении судеб их детей. Тридцать с лишним лет спустя преподаватель русского Таня и юрист из США Дэвид смогут исправить ошибку родителей. А как им это удастся, вы узнаете из предлагаемого вашему вниманию романа.

ISBN 978-5-44-967937-6

© Д. Дэвис Т.

© Издательские решения

Содержание

Предисловие	6
Павильон Иллюзий в Ущелье Дракона	7
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Павильон иллюзий

Таня Д. Дэвис

Елена Василькова *Дизайнер обложки*

© Таня Д. Дэвис, 2019

© Елена Василькова, дизайн обложки, 2019

ISBN 978-5-4496-7937-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Предисловие

В предисловии к своей предыдущей книге «Полёт фантазии, фантазии в полёте» я постаралась ответить на ключевой для большинства причастных к творческому письму людей вопрос «почему я пишу». Не менее важен и другой вопрос – «как я пишу». Для меня создание текста – это переложение сложившейся в голове визуально-образной картины на язык слов. Своеобразная смена кода, перевод содержания в другую семиотическую систему. Сначала я ВИЖУ своих персонажей, чётко представляя ситуации, в которые они попадают, и постепенно происходящие с ними события из отдельных эпизодов складываются в пёструю ленту единого сценария, плавно реализуемого моим внутренним режиссёром в виде полноценного художественного фильма. И всё, что мне остаётся – это как можно скорее и точнее передать это своё «внутреннее кино» средствами вербального текста.

Если честно, то предлагаемая вашему вниманию книга и появилась первоначально в виде сценария под названием «Уроки русского для американца» (<https://www.proza.ru/2018/03/04/2370>), но я не профессионал по части написания сценариев, кроме того, вы сами понимаете, что такое в мире современной киноиндустрии перенести сценарий на экран. Крайне сложный процесс, тут и люди, и финансы, и конечно, элемент везения. Но мои герои – влюблённые комсомолка Ника и американский студент Дэн, разъединённые в конце семидесятых жестокой политикой, преподаватель русского Таня и юрист из США Дэвид, которым спустя тридцать с лишним лет судьба позволила исправить ошибку родителей, просто не могли ждать. Они живые. Поэтому я решила дать им шанс выйти на сцену и рассказать свои истории вам, моим дорогим читателям, представив родившиеся образы и события в виде текста романа под названием «Павильон иллюзий».

Кстати, Павильон иллюзий – это реальное сооружение, которое находится в очень живописном месте в трёх часах езды от Пекина. Построил его древний китайский император специально для созерцания и размышлений, для того, чтобы в окружении покрытых зеленью гор, взирая на простирающиеся внизу голубые долины, познать истину. И современные китайцы упорно карабкаются на эту вершину, веря легенде, что именно здесь древний император ответит на их вопросы, поможет отличить настоящее от иллюзии.

И ещё одно важное замечание прежде чем вы приступите к чтению: хотя в реальности главные герои говорят между собой то на русском, то английском, что вполне естественно для общения между представителями разных культур, в книге для удобства читателей все диалоги приводятся на русском.

Приятного вам чтения, enjoy!

Павильон Иллюзий в Ущелье Дракона

Сколько она уже одолела ступеней – 865, 875?» – Ника сбилась со счёта. Тяжело, жарко, сердце колотится. Конечно, ей уже не двадцать лет, и даже не тридцать, а целых пятьдесят пять. И зачем только она опять на эту гору лезет? Ведь трижды уже сюда поднималась, каждый раз как в Пекинский университет работать приезжает. И теперь не отступится. Нужно обязательно подняться, дойти до этого волшебного павильона, построенного на вершине древним китайским императором специально для размышлений, для того, чтобы в окружении покрытых зеленью гор, взирая на простирающиеся внизу голубые долины, познать истину. Потому что именно здесь можно получить ответы на все главные жизненные вопросы, отличить настоящее от иллюзии. В Павильоне иллюзий в Ущелье дракона. «

И какие у неё вопросы? На все главные вопросы ответы дала сама жизнь, достойная жизнь состоявшейся женщины. Тридцать лет счастливого брака, любимая работа, интересные поездки, прекрасная дочь. Конечно, были и «удары судьбы», причём весьма ощутимые – ранняя потеря матери, продолжительная болезнь и смерть отца, безвременная кончина мужа. Но несмотря на это, Нике удалось сохранить удивительное ощущение радости бытия, счастья просто «быть». «*And may the bird of paradise will follow you wherever you go*» пожелал ей когда-то давным-давно сероглазый американец Дэн, её первая любовь. И Ника верила, что именно эта маленькая райская птичка помогает ей найти верный путь в жизни.

Дэн... Как же интересно проявляется жизненная киноплёнка, выхватывая из памяти словно кадры только эмоционально значимые фрагменты. Долгие годы спрессованы в несколько мгновений, легко укладываемых в короткий видеоклип, как, например, все тридцать лет её супружества: вот полная ванна роз в день свадьбы, вот они с мужем танцуют на берегу моря в Пицунде, вот мчатся на белой Ауди по ночному шоссе под музыку АВВА, вот склоняются над новорождённой дочкой, а вот и последний печальный кадр – неподвижное тело её красавца Влада в морге больницы. Рядовая операция, никто не виноват, просто не повезло.

Но некоторые события запоминаются в таких мельчайших подробностях, что и нескольких серий художественного фильма не хватит. Как те десять июньских дней 1979 года, которые она помнит буквально по минутам, всё до последней мелочи, десять счастливых дней, которые она провела вместе с Дэном ровно 37 лет назад.

Всё началось с того, что солнечным июньским днём её вызвал секретарь комитета комсомола филологического факультета МГУ.

– Ну, Кулешова, пляши! Поедешь переводчиком с группой американских студентов. Поездка шикарная – Питер, Рига, Таллин, принимать будут на высшем уровне, соответственно составу группы – десять лидеров студсоюзов из университетов США плюс наших трое, включая председателя студсовета МГУ. Так что, Кулешова, не подведи. Ты у нас кто? Правильно – спортсменка, комсомолка, отличница, так что полный вперед.

Домой счастливая Ника летела на крыльях воплотившейся мечты. Наконец-то у неё будет возможность целых десять дней наслаждаться настоящим английским, её любимым обожаемым английским, языком Шекспира и Байрона, а ещё Фрэнка Синатры и дикторов БиБиСи, бархатным голосам которых иногда удавалось пробиться сквозь завесу советских радио глушилок. Эх, жаль, мама не дождала до этого момента, сгорела год назад от скоротечного рака.

Военный отец, инженер-полковник ракетных войск и артиллерии, воспринял новость без энтузиазма, сказав:

– Ты там дочь, поаккуратнее, особо языком с капиталистами не трепи, помни, что отец у тебя в министерстве обороны служит, против американцев новое оружие разрабатывает.

Конечно не будет, она же не дура, понимает, что советское государство надо от американских шпионов защищать.

На следующее утро Ника при полном параде явилась в главное здание МГУ, где и произошла первая встреча с американцами, семь настороженных парней и три испуганные девицы мало напоминали загнивающих капиталистов. После дежурного обмена приветственными речами все отправились на смотровую площадку на двадцать восьмом этаже, чтобы зарубежные гости смогли полюбоваться эксклюзивным видом на красоты столицы, и именно здесь с Никой случилось то, что принято называть «любовью с первого взгляда».

– And what is this big round building? – обратился к ней высокий светловолосый парень в белой футболке и синих джинсах.

– Это спортивный комплекс Лужники, – бодро ответила Ника, и уже собралась объяснить несведущему американцу, что это главный стадион страны, на котором в следующем году пройдет церемония открытия летней Олимпиады 1980, но вместо этого растерянно замолчала, совершенно потеряв дар речи под пристальным взглядом серых глаз. Оба на мгновение застыли, молча изучая друг друга, словно пытаясь узнать знакомые черты после длительной разлуки. «Вот что значит „любовь с первого взгляда“, – подумала Ника, – это ничто иное, как узнавание, узнавание любимого сквозь века и пространства. Такое чувство, что когда-то давно в прошлой жизни мы уже были вместе, и теперь встретившись вновь, просто стараемся угадать воплощенные в новом облике любимые черты».

На затянувшуюся немую сцену обратили внимание все присутствующие, потому что не заметить это было просто невозможно. В автобусе сероглазый американец сел рядом с Никой:

– Меня зовут Дэниэл, можно просто Дэн.

– А меня Вероника, можно просто Ника.

С этого момента Дэн старался всё время быть рядом с Никой, причём он удивительно точно чувствовал её состояния. «Ты всё время переводишь, голос устал, хочешь отдохни, помолчи, а я расскажу тебе об Америке» заботливо говорил он после очередной встречи-экскурсии. Слушая его рассказы о семье, о доме в городе Портленд штата Орегон, об университетских друзьях, о том, какой у него замечательный пёс породы хаски, о путешествиях, о спортивных соревнованиях, о музыкальных увлечениях, Ника думала только об одном – вот если бы она тоже когда-нибудь смогла стать частью его историй, чтобы их жизненные пути-дорожки соединились.

На второй день они поцеловались, на третий Дэн около полуночи постучал к ней в номер:

– Можно с тобой побыть, просто посидеть, я не могу уснуть.

«Просто посидеть» неизбежно привело к объятиям-поцелуям, которые в свою очередь привели к тому, что охваченная любовной страстью Ника уже не могла, да и не хотела останавливать разгорячённого парня, только предупредила:

– Ты, наверное, сейчас будешь смеяться, но я ещё девушка.

Но Дэна её признание не остановило:

– Ты знаешь, это не важно, и, хотя я никогда не спал с девственницей, но ты не бойся, всё будет хорошо, я всё сделаю как надо.

Так оно и вышло. После десяти наполненных счастьем #бытьвместе# дней настало время неизбежного расставания. В аэропорту Шереметьево влюблённых охватило отчаяние, в ужасе от предстоящей разлуки они не могли оторваться друг от друга, устроив группе и провожающим комсомольцам из студсовета МГУ спектакль под названием «расставание Ромео и Джульетты».

Роман с американцем не ускользнул от всевидящего ока советских органов, и через неделю Нику вызвали «куда следует». В кабинете сопровождавший группу кэзэбешник отчитал её по полной программе.

– Дура ты, Кулешова, а ещё студентка МГУ, отличница, комсомолка. Ты хоть соображаешь во что вляпалась, что за связь с иностранцем бывает? И ведь не просто иностранец, а гражд-

данин США, самый что ни на есть империалист. Это же клеймо на всю оставшуюся жизнь – ни тебе престижной работы, ни партии, ни поездок за границу. Повезло ещё, что на меня нарвалась, ты хоть и дурная девка, но переводчик классный и отец у тебя в министерстве обороны работает. Так что я это дело замну, только запомни, люди разные бывают, вот попадись кто другой на моём месте, а? И что? Вся жизнь к чёртовой матери под откос. Так что скажи мне спасибо. Да, и вот ещё, я тут фотографии кой-какие делал, как ты со своим американцем в аэропорту целуешься-обнимаешься, возьми на память, хорошие получились.

Глотая слёзы, Ника пулей вылетела из мрачного здания и медленно побрела к метро, не обращая внимания ни на проливной дождь, обрушивший на центр столицы потоки воды, ни на спешащих под зонтами людей, ни на брызги из-под колёс проносившихся мимо автомобилей.

«Ненавижу вас всех, ненавижу! Что мы с Дэном вам плохого сделали? Чем помешали? Ну и что, что он гражданин США? Какие такие секреты государственные я могу ему выдать? Мы просто очень любим друг друга. Почему нам нельзя быть вместе?» – Ника села на скамейку в сквере Большого театра и заплакала, слёзы ручьями текли по лицу, перемешиваясь со струями дождя. Пусть она промокла до нитки и замёрзла, пусть, так даже лучше, простудится, заболеет и умрёт. Но умереть Нике не дали добрые люди, каких в Москве, да и вообще в России при любом политическом строе всегда предостаточно. Какая-то красивая похожая на балерину женщина, заметив мокрую окоченевшую девушку на скамейке, усадила её в такси и спросив адрес, отправила домой.

Вскоре в почтовом ящике Ника обнаружила продолговатый кремовый конверт, который, судя по аккуратной полоске скотча на обратной стороне явно вскрывали. Письмо от Дэна началось такими нежными словами, которыми к ней прежде никто не обращался – *My love, my only one, my sweetheart*. В ответном письме Ника постаралась использовать весь свой запас английской любовной лексики – *my dearest Dan, my only true love, my darling*.

Активная переписка продолжалась почти три месяца, Дэн так увлекательно писал о своих путешествиях, что Нике казалось будто она вместе с любимым увидела Мексику, Гавайи, объездила Калифорнию, Флориду, побывала на Большом Каньоне. В письма Дэн вкладывал красочные открытки и фотографии – вот он на лужайке университетского кампуса в компании друзей, вот на теннисном корте, вот в обнимку со своим любимым псом хаски. Но главное в каждом письме Дэн повторял, что он её бесконечно любит и сделает всё, чтобы они были вместе. Ника жила этими письмами, дышала ими в буквальном смысле: вскрыв конверт, она каждый раз подносила странички к носу, надеясь уловить ставший родным запах Дэна, от его густой пшеничной шевелюры так приятно пахло, такой неповторимый аромат свежескошенной травы, смешанный с морским ветром.

Дэн пытался разрешить ситуацию по-мужски, он искал реальную возможность встретиться, соединиться, увезти Нику в США. В конце октября написал, что приедет на Рождество в Варшаву, и если бы она смогла туда тоже приехать, то он найдет способ навсегда остаться вместе. *Together forever*. Он всё устроит, придумает, как увезти её с собой в Америку, только доверься мне, моя любовь, доверься, умолял Дэн. «*Trust me, my love, just trust me and everything gonna be all right*», – читала Ника и плакала, потому что как воспитанная в партийно-комсомольских традициях советского строя девушка, она прекрасно сознавала всю безнадёжность своего положения и уже внутренне смирилась с неизбежным разрывом. Ну не сможет она удрать за границу с американцем, пусть даже очень любимым. Не сможет. Никогда.

Разрыв отношений ускорил военный отец Ники. Как-то в конце ноября полковник Кулешов пришёл домой мрачнее тучи, не раздеваясь прошёл на кухню, налил водки и, опрокинув стопку, сказал:

– Ты, дочь, вот что, заканчивай этот свой роман в письмах. Всё равно ничего хорошего из этой переписки не выйдет, только жизнь себе и мне испортишь.

– Себе понятно, а ты то тут причём? – задала наивный вопрос Ника.

– Меня сегодня в соответствующие органы вызывали, сказали, если ваша дочь не прекратит переписку с гражданином США, не видать вам генеральского звания как своих ушей. И вообще можете из центрального аппарата Министерства обороны вылететь. Вот так, доча, всё тебе теперь ясно?

– Теперь всё ясно, – обречённо ответила Ника, – ты не волнуйся, пап, я всё понимаю, я прекращу.

Её последнее письмо Дэну было очень коротким:

Dear Daniel, my love, my only one. This is my last letter to you, because we shall never be able to be together. But I promise to keep you in my heart forever, and please forgive me for having no courage to overcome all those barriers between us. Be happy, Nika.

В письмо Ника вложила одну из полученных от кэбэбэшника фотографий, на которой тот очень убедительно запечатлел момент расставания влюблённых – они с Дэном обнявшись печально смотрят прямо в объектив. А ещё стихотворение на русском, строчки прощального послания сами сложились на родном языке. И не в силах сделать хороший перевод Ника написала «если когда-нибудь захочешь прочитать, Дэн, то тебе придётся выучить русский».

В конце декабря Ника получила от Дэна последнее прощальное письмо, которое она выучила наизусть, да это и не сложно было сделать, потому что всю свою любовь и нежность светловолосый американец выразил в коротком стихотворении.

Написал ли он его сам, или у кого заимствовал, неважно, важно то, что от этих строк на душе у Ники стало легче. Её любимый её отпускает, и пусть сегодня им не суждено быть вместе, но всё равно им крупно повезло. Потому что они были вместе в прошлой жизни, встретились и узнали друг друга в настоящей, и обязательно встретятся в жизни будущей. Печаль моя светла. Прощай, Дэн, вернее до свидания, будь счастлив, и спасибо тебе за ангела-хранителя, за посланную тобой райскую птичку – and may the bird of paradise will follow me wherever you go...

Что мы делаем в ситуациях, когда душа болит невыносимо? Пытаемся найти средства чтобы облегчить боль, будь то лекарство, поддержка близких или поиск оправданий для причинивших страдание поступков. И Нике спустя какое-то время удалось достичь душевного равновесия, найдя как ей тогда казалось весомые оправдания своему решению. Она отказалась от любимого, зато не предала отца, ей пришлось предать Дэна, но она осталась верна своей родине. На самом деле, оценивая события тех лет сегодняшним постсоветским взглядом, можно рассудить по-иному. Типичный продукт советской эпохи Ника просто не смогла отличить настоящее от иллюзии, потому что не умела, не учили этому в большой стране больших иллюзий, граждане которой сами находились в плену одной общей иллюзии «построения светлого коммунистического будущего» на протяжении почти семи десятилетий.

Печаль Ники длилась не долго, как известно молодость быстро залечивает сердечные раны. Спустя год она благополучно вышла замуж за выпускника юридического факультета МГУ, родила дочь, защитила кандидатскую диссертацию. Почти тридцать лет счастливого брака, насыщенная жизнь, успешная карьера. После смерти мужа стала много ездить в командировки – читать курсы по русскому языку и культуре в зарубежных университетах. Особенно часто приглашали друзья-китайцы, вот и в этом году с марта по июль в пекинском университете работает. И снова как прошлым летом к Павильону иллюзий вверх по ступеням карабкается, в надежде получить мудрый совет от китайского императора. Наконец ступеньки закончились, ещё метров сто крутого подъема по узкой горной тропе, и она на месте. Но прежде чем идти дальше надо немного отдохнуть. Присев на предусмотрительно поставленную в этом месте скамейку, Ника сделала глоток воды, сидевший рядом пожилой китаец протянул ей кусок ароматной дыни.

– Спасибо, – ответила на русском Ника.

– Здравствуйте, рад вас видеть, – ответил на русском обрадованный китаец, – вы из России? Из какого города?

– Из Москвы.

– О, Москва, я в Москве в институте инженеров транспорта учился. Россия – хорошая страна, мы с русскими друзья. А что вы в Китае делаете?

– Я по приглашению китайских коллег в Пекинском университете работаю, лекции по русскому языку и культуре читаю. Знаете, совсем недавно 6 июня была в центре русской культуры в Пекине, там китайские студенты такой замечательный праздник устроили в честь дня рождения Пушкина, я такого искреннего проникновенного чтения стихов нигде больше не встречала, хотя много в каких странах работала – и в Англии, и в Канаде, и в Европе. Но только ваши студенты так пушкинское «Я вас любил» читали, что аж мурашки по телу пошли. Удивительно, не ожидала от внешне сдержанных китайцев такой эмоциональности.

– А знаете, как мы про себя говорим? Мы, китайцы, как самовар: холодные снаружи и горячие внутри, – засмеялся собеседник. – И ещё нас много, очень много. Поэтому чтобы завоевать мир китайцам не нужна военная сила, мы просто везде просочимся как просачивается вода. И потом мы упорные, вот вы знаете, сколько раз я на Великую стену поднимался? Десять раз, сначала с родителями, затем один, потом с женой, потом с детьми, а теперь и с внуками. «Кто поднялся на Великую стену тот герой» как говорил великий кормчий Мао Дзе Дун.

– А правду говорят, что здесь на вершине в Павильоне иллюзий можно задать вопрос вашему древнему императору и получить ответ?

– Ну, это, наверное, тоже иллюзия, как и многое в жизни. Хотя, знаете, всё от человека зависит, если император сочтёт нужным, то ответит. Так что в любом случае задайте свой вопрос.

А вопрос у Ники был один – как помочь любимой дочери Танюше? Умница, красавица, а в личной жизни не везёт. Скоро тридцать, не семь, ни ребёнка. Да, есть Кирилл, уже пять лет вместе. Ну что такое этот Кирилл? Байкер —раздолбай, совершенно не готовый к созданию семейного очага. Да и будет ли он вообще когда-нибудь готов? Сколько Танюше ещё ждать и мучиться? «Поэтому попрошу-ка я китайского императора за дочь, пусть поможет ей глаза открыть. Вот как у неё сейчас дела? Как ни позвонишь, „мама всё хорошо, мама всё в порядке, не волнуйся“, а на самом-то деле как? Сердце матери не обманешь».

На самом деле ничего хорошего в отношениях Тани и её бойфренда не наблюдалось. Развеселый похожий на Данилу Козловского байкер никак не хотел соответствовать Таниным представлениям о нормальных отношениях. Нежность, доверие, взаимопонимание, способность договариваться – это всё не про Кирилла, совместная жизнь с которым скорее напоминала эмоциональный маятник: страстная любовь – ссора, громкое расставание – бурное примирение, взаимные упрёки, извинения, прощение, опять скандал. Таню эти шарахания ужасно вымотали, и самое неприятное, что жизненные часики-то тикают, скоро тридцать, хочется уже какой-то стабильности, семью, ребёнка. И что? Никакой определённости. Но отпускать Кирилла ей никак не хотелось: как же так, пять лет вместе, столько для него сделала – в трудные моменты поддерживала, когда без работы остался финансово помогала, всегда «Кирюша милый, Кирюша любимый, Кирочка дорогой». И что теперь, уступить его какой-то очередной мотоциклетной блондинке? Да ни за что.

Какое лучшее лекарство от сердечных переживаний? Правильно, работа. Поэтому, когда в конце марта верная подруга Маша предложила Тане уроки русского в одной из компаний Большой четвёрки (Big Four), та, не раздумывая, согласилась. Три раза в неделю по сорок долларов деньги совсем не лишние, по времени университетское расписание позволяет, да и ученик солидный – начальник отдела банковского аудита господин Дэвид Джонсон. Интересно, что за птица? Наверняка очередной офисный зануда.

Ехать в холодную Россию после трёх лет комфортного пребывания в Арабских Эмиратах Дэвиду совсем не хотелось. Зачем ему целый год сидеть в Москве, когда и в Штатах можно неплохо устроиться. Тем более Джейн, его подруга трёхлетней выдержки вряд ли согласится его сопровождать, только получила пост редактора в одном модном журнале. Столько лет к этому стремилось, наконец удалось, и что? Ради него она точно от своих амбициозных планов отказываться не станет.

Однако в силу сложившихся на работе обстоятельств и настоятельных просьб со стороны начальства Дэвиду пришлось согласиться. Он неплохо владеет русским, студентом стажировался в России, отличный специалист и жёсткий руководитель, так что кто как не господин Дэвид Джонсон сможет разрулить непростую ситуацию, сложившуюся в московском отделении компании. Перед отлётом Дэвид съездил в Денвер навестить отца, с которым старался видеться как можно чаще, особенно после смерти матери полгода назад. Джонсон старший воспринял новое назначение сына с энтузиазмом.

– Рад за тебя, Дэвид. Отличный шанс посмотреть на мир из другого полушария, с Востока. Как сказал Киплинг, *East is East, and West is West, and never the twain meet*. Кстати, я тоже в мае лечу в восточном направлении, китайские коллеги пригласили в Пекинский университет прочитать курс по экономике. Может по пути загляну к тебе в Москву, сто лет там не был.

Солнечным весенним утром Таня отправилась на первое занятие со своим новым учеником. Поднявшись на двадцать восьмой этаж одной из высоток Сити, она прошла в указанный кабинет, где её встретил высокий светловолосый мужчина лет тридцати пяти. Загорелое лицо, длинноватые пшеничные волосы, внимательный взгляд серых глаз. «Симпатичный, на Роберта Редфорда похож, хотя по отзывам коллег репутация у этого американца та ещё – вредный зануда, уже нескольких сотрудников уволил» – отметила про себя Таня.

– Здравствуйте, господин Джонсон, я ваш преподаватель по русскому Татьяна Кузнецова, – с улыбкой сказала она и усевшись за стол начала занятие с традиционной вводной беседы – как вам нравится Москва, где изучали русский, что уже успели посмотреть в столице.

«Ну что ж, устная речь ничего, только произношение править придётся, сейчас проверим лексику-грамматику». Пока американец занимался написанием теста Таня осмотрелась вокруг. Просторный кабинет, окна во всю стену, беспрепятственно пропускающие солнечный свет, стильная лаконичная обстановка. На столе идеальный порядок, сразу видно, что хозяин – аккуратист. «Аккуратист, а пуговица на пиджаке на одной нитке держится, вот-вот оторвётся», – отметила про себя Таня.

– Готово, – Дэвид протянул аккуратно заполненный тест.

– Отлично, текст начинайте читать, а я пока проверю.

Быстро справившись с текстом, Дэвид стал разглядывать преподавательницу. Интересное, цепляющее взгляд лицо, словно портрет, написанный талантливым художником в теплых пастельных тонах. Каштановые волосы, ассиметричная стрижка с длинной чёлкой, которая в солнечном свете казалась золотистой. Правильные изящно выписанные черты, высокие скулы, персикового цвета кожа, нежные выпукло прорисованные губы, а главное глаза – большие, светло-карие, которые в сочетании с вопросительно-удивлённой улыбкой придавали Тане сходство с мультяшным оленёнком Бэмби, её широко распахнутый взгляд словно говорил: «привет, я пришла в этот прекрасный мир и мне всё интересно».

Почувствовав на себе пристальный взгляд господина Джонсона, Таня вопросительно улыбнулась, словно спрашивая «в чём дело». Дэвид вежливо улыбнулся в ответ, понимая, что его застигли за любимым занятием под названием «рассматривание», за которое его в детстве часто упрекала мама. «It's impolite to stare» – повторяла она сыну, привычка которого внимательно наблюдать за людьми, смущая их пристальным взглядом «исследователя-натуралиста», всех раздражала. «Мама, Дэвид опять на нас пялится», застав брата за наблюдением, жалова-

лись младшие сёстры и их подружки. «Какой необыкновенно внимательный взгляд у вашего мальчика», отмечали родственники и друзья. Позднее в университете Дэвиду удалось избавиться от этой неприятной для окружающих привычки, но иногда этот особенный изучающий взгляд всё же давал о себе знать.

У Дэвида сохранилась ещё одна интересная особенность «родом из детства» – он совершенно не выносил чужих прикосновений. Когда случайно, или не дай Бог намеренно имел место тактильный контакт, он вздрагивал и мог отшатнуться словно почувствовав ожог медузы. И что удивительно, он действительно ощущал прикосновение чужих рук к поверхности своей кожи как настоящий ожог. Зная о таких особенностях сына, родители даже опасались диагноза «аутизм», но слава Богу обошлось. Сказалась эта особенность и позже на построении любовных отношений: к объятиям Джейн он привыкал почти год, и хотя в начале такая реакция на прикосновения вызывала трудности, по завершению периода «привыкания» это имело свои положительные стороны: Джейн не опасалась измен, её мимоза Дэвид просто не даст чужой женщине к себе прикоснуться.

Наконец отведённые на урок русского полтора часа истекли, Дэвид встал, чтобы попрощаться с преподавательницей, висящая на одной нитке пуговица зацепилась за край стола, оторвалась и упала на пол.

– Shit! Чёрт, чёрт, чёрт! – воскликнул Дэвид, возмущённо вскинув руки.

Не ожидавшая такой бурной реакции Таня сказала:

– Да не волнуйтесь вы так, это всего-навсего пуговица. Её пришить можно.

– Всего-навсего пуговица? У меня через полчаса важная встреча, я что на неё с оторванной пуговицей являюсь?

– Ничего страшного, сейчас всё исправим, – сказала Таня и полезла в сумочку, в которой чего только не было. Кроме обязательного для каждой женщины набора из косметики, смартфона, блокнота, ручки, ключей и прочих необходимых вещей там лежали пилочка для ногтей, пачка гигиенических салфеток, пластиковая коробочка с нитками-иголками, зубная щётка и упаковка презервативов. Потому что Таня хорошо усвоила совет своего деда-генерала «у хорошего солдата всегда всё должно быть под рукой». А что касается презервативов, так это вовсе не означает, что она развратная женщина, просто её милый друг Кирилл очень боится нечаянно сделать ребёнка, а сам презервативы купить забывает.

– Take off your jacket, – сказала Таня, вдевая нитку в иголку. – Пиджак снимайте.

– What do you mean «take of your jacket»? Зачем?

– Я вам пуговицу пришью.

Закончив работу, Таня помогла Дэвиду надеть пиджак и, как заправский сотрудник пошивочного ателье проверяющий качество выполненной работы, провела рукой по лацкану, случайно коснувшись пальцами загорелой шеи. Дэвид уже хотел отшатнуться, но к его удивлению прикосновение не вызвало привычного эффекта «ожога медузы», наоборот, возникло приятное ощущение, как будто по коже провели лёгким пёрышком. «Надо же, какая необычная реакция», – отметил он про себя.

– У вас что, всегда нитка с иголкой под рукой? – поинтересовался Дэвид.

– Конечно, вот оторвётся у симпатичного мужчины пуговица, а я раз – и наготове, сразу пришью. Он мне за это спасибо скажет, а может ещё и поцелует, – с шутливой улыбкой ответила Таня.

– Спасибо, – сказал Дэвид, и тотчас добавил: – Вас поцеловать?

– Нет, целовать не надо, – рассмеялась Таня, – насчёт поцелуя я пошутила.

Она протянула руку, чтобы положить нитки-иголки обратно в сумку, но, неудачно задев её, опрокинула, и на стеклянную поверхность стола выпала пачка презервативов.

– Чёрт, – воскликнула Таня и, покраснев, стала быстро запихивать упаковку обратно, – извините.

– Да всё нормально, – сказал Дэвид и, не в силах сдержать насмешливой улыбки, добавил, – *omne meae mecum porto*.

– Что вы имеете в виду? – возмутилась Таня, – это вовсе не то, о чём вы подумали, так что по поводу *omne meae* вы ошибаетесь. И вообще, *vita brevis, gaudeamus igitur*, – с вызовом сказала она.

– Вы знаете латынь? – удивился Дэвид.

– В московском университете на филфаке учила.

– Простите, я вовсе не хотел вас обидеть. Кстати, сколько я вам должен за пришитую пуговицу?

– Сто долларов, – невозмутимо ответила Таня, решив таким образом проверить своего американского ученика на прочность, в смысле на наличие чувства юмора, с которым судя по её опыту общения с представителями данной культуры у них ну о-о-очень плохо. Что в очередной раз подтвердила реакция Дэвида: не выказав никаких признаков удивления, он достал портмоне, вынул сотню и протянул её Тане.

«Всегда знала, что у американцев плохо с юмором, но чтобы до такой степени! Да, трудный мне случай попался», – отметила она про себя и, не меняя серьёзного выражения лица, произнесла:

– Шутка.

– Что вы имеете в виду?

– Я – преподаватель, мне ваша фирма за уроки русского платит, я за пришитую пуговицу денег не беру, просто вам помогла, не хотела, чтобы вы на важных переговорах с оторванной пуговицей появились. Это просто так, бесплатно, понятно? – И, видя, что господин Джонсон по-прежнему в замешательстве держит купюру, добавила: – Насчёт ста долларов я пошутила, это шутка такая. Юмор, понимаете?

– Ах, шутка, – наконец среагировал Дэвид, – русский юмор, понимаю.

«Да ни черта ты не понимаешь, *dumb American*», – подумала Таня.

Однако господин Джонсон оказался вовсе не таким уж и «*dumb*», он быстро схватывал материал, прилежно выполнял задания, и за две недели занятий достиг заметных результатов. Единственное, что ему никак не давалось – это произношение, причём дело было не в акценте, акцент для иностранца дело естественное. Американец никак не мог справиться с русскими гласными звуками, упорно подчиняя их правилам своего родного языка: долгие-краткие, открытые – закрытые. И только удивлялся, как это возможно, что такие разные английские слова как *shit* и *sheet* для русского слуха звучат одинаково.

– Знаете, самый действенный метод быстро улучшить произношение, – как-то сказала Таня, – это стихи наизусть учить, а ещё лучше петь. Но для вас, наверное, больше подойдут стихи, вы же петь не умеете, – окинув ученика критическим взглядом, заключила она.

– Почему это вы считаете, что я петь не умею? – возразил Дэвид, – очень даже умею. Пою, а ещё на гитаре играю, популярные песни, кантри, и прочее.

– Вы поёте?! – изумлённо воскликнула Таня.

– А чему вы так удивляетесь? Почему я по-вашему петь не могу?

– Да нет, можете, наверное, просто по виду не скажешь, что вы поющий человек. Сложно представить вас с гитарой в руках. *Not the type*.

– И какой же я как вы выразились «тип»?

– Типичный офисный начальник. Жесткий, холодный, расчётливый.

«Ничего себе, вот это характеристика – жёсткий, холодный, расчётливый. Да, пришлось некоторых сотрудников уволить в целях обновления персонала и повышения эффективности. Но ей-то я что плохого сделал?» – отметил про себя Дэвид, вслух сказав:

– И что вам дало повод так обо мне думать?

– В прошлый раз, когда я от вас выходила, вашу сотрудницу в слезах застала, оказалось, вы её только что уволили. Она пять лет на этом месте проработала, у неё ипотека невыплаченная, а вы взяли и вышвырнули её как малоэффективного сотрудника. Выжать из человека всё, а потом выбросить, очень американский подход.

– Ну знаете, я сюда не в личных проблемах сотрудников разбираться приехал, а работу компании налаживать. И я бы вам не советовал так со мной разговаривать.

– И что? Уволите? – с вызовом сказала Таня, – да мне всё равно, я в МГУ, главном вузе страны работаю, и репутация у меня как у преподавателя отличная, так что я вас не боюсь. Увольняйте пожалуйста.

«Надо же, на вид такая мягкая и покладистая, а оказывается с характером», – отметил про себя Дэвид и постарался перевести беседу в более спокойное русло:

– Вас я как раз увольнять не собираюсь. Вы действительно очень хороший профессионал и отлично справляетесь со своими обязанностями. Спасибо за сегодняшнее занятие и особенно за совет насчёт произношения, я обязательно им воспользуюсь.

В середине апреля в связи с открытием мотосезона Кирилл ударился в очередной загул. А чтобы Таня ему своей безграничной любовью не мешала, попросил её от него съехать, ненадолго, всего-то на неделю, пока у него друзья-байкеры из Питера тусуются. «А то неудобно тебе Танюха будет в моей небольшой квартире ещё с тремя мужиками соседствовать». Не чувствуя подвоха, Таня вернулась к себе на квартиру в Кунцево, а спустя три дня позвонила верная подруга Маша и сообщила, что видела Кирилла в компании байкеров с соответствующими девицами, причём Кирилл был с какой-то вульгарной блондинкой. Таня как всегда попыталась найти для своего любимого оправдание:

– Маша, ну что ты опять на Кирилла наговариваешь, знаю я, к нему друзья из Питера приехали, и девица эта наверняка из их компании, а вовсе не с Кириллом.

– Вот дура ты, Кузнецова, сколько раз тебе глаза на твоего ненаглядного пыталась открыть, а ты всё никак в его кобелиную сущность поверить не хочешь. Вот верно говорят – «хорошим девочкам нравятся плохие мальчики». Кирилл реальный «плохиш». Ну ничего, я тебе настоящие доказательства добуду, времени не пожалею, иначе кто, как не я тебя спасать будет.

Проплакав полночи после неприятного разговора с подругой, на следующее утро Таня явилась на занятие расстроенная. Не увидев на лице преподавательницы обычной улыбки, Дэвид спросил:

– Вы чем-то огорчены?

– Да нет, всё в порядке, давайте заниматься.

Но несмотря на все попытки сосредоточиться Таня никак не могла отвлечься от тревожной мысли «неужели Машка права и Кирилл опять врёт и изменяет» и периодически бросала взгляд на лежащий на столе смартфон. Дэвида такое отношение ужасно раздражало, и он уже собрался попросить преподавательницу убрать мобильник, когда при звуке входящего, Таня схватила смартфон и, взглянув на экран, со словами «Вот гад» разрыдалась.

Не ожидавший такого бурного проявления эмоций Дэвид спросил:

– Вы что там увидели? Что случилось? Что-то страшное?

– Очень страшное, – всхлипывая сказала Таня, – подруга фото прислала, как мой бойфренд мне изменяет. Вот, сами посмотрите.

Не успел Дэвид сказать, что ему вовсе не интересны похождения её бойфренда, как Таня продемонстрировала ему так расстроившую её фотографию, которая Дэвиду показалась вполне безобидной – парень с девушкой сидят друг напротив друг за столиком кафе и он держит её за руку.

– И что тут такого криминального? Почему вы так уверены, что он вам изменяет?

– Да вы сами посмотрите, разве не видите, как он на неё нежно смотрит, ручку гладит, и это как раз в то время и в том кафе, где мы с ним должны были встретиться, а он наврал что не сможет. Козел. Вот правильно моя подруга Машка говорит, что все мужики козлы, – непроизвольно вырвалось у Тани и она с неприязнью взглянула на Дэвида.

– Козел это кто? – попросил уточнить дотошный ученик.

– Козёл – это козёл, – утирая слёзы, ответила Таня, – и можно я сейчас уже пойду, я сегодня заниматься всё равно не смогу.

– Сначала успокойтесь и приведите лицо в порядок, а то мало ли что мои сотрудники могут подумать, увидев, в каком состоянии вы из моего кабинета выходите.

– И что такого они могут подумать? – удивилась Таня.

– Ну как что, что я вас чем-то обидел, приставал, например, а мне знаете ли обвинения в sexual harassment совсем ни к чему.

«Да, здорово американских мужиков харрасментом запугали. Ладно, не буду человека подставлять».

– И кстати, – перевёл разговор на другую тему Дэвид, – у нас уже четыре занятия пропало, включая сегодняшнее. Два я пропустил из-за командировки, в среду вы не смогли, сегодня тоже занятия не получилось, хорошо бы восполнить.

– И что вы предлагаете? У меня на неделе свободного времени нет.

– А давайте тогда в выходные, например, в субботу. Завтра как раз суббота, приезжайте ко мне на квартиру в Крылатское утром, часов в десять.

«Со стороны этого запуганного американца sexual harassment мне точно не угрожает. С Кириллом в ссоре, в выходные свободна, так что почему бы и нет? Лишних денег не бывает», – подумала Таня и согласилась:

– Хорошо, только в выходные занятие дороже стоит, на десять долларов.

– Опять шутите?

– Нет, серьёзно, это же не рабочие дни, а моё свободное время,

– Понятно, согласен, без проблем.

На следующее утро Таня пожалела, что согласилась на дополнительные занятия в выходные. «Такой день чудесный, солнце, тепло по-летнему, лучше бы на дачу съездила, чем с этим американским перфекционистом глаголы разучивать». Но делать нечего, уговор есть уговор, и сев за руль верной Мазды Таня отправилась в Крылатское, где на семнадцатом этаже престижной высотки проживал господин Джонсон. Дверь открыла высокая заспанная блондинка.

– Дэвид, это к тебе, – едва взглянув на гостью прокричала она вглубь квартиры и усадила Таню за стол в большой светлой гостиной, объединённой по западному образцу с кухней. «Надо же какая здоровенная американка, прямо настоящая чирлидерша (cheerleader), наверное, жена или подруга» – подумала Таня и не ошиблась, потому что это была именно Джейн, подруга Дэвида трёхлетней выдержки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.